

«ПОСТМИР» ГЛОБАЛИЗАЦИИ ИЛИ ЭКСКУРС В ИСТОРИЮ ОТЧУЖДЕНИЯ: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ

Вандышев В.Н. (г. Сумы)

Анотація

У статті розглядаються актуальні проблеми розвитку уявлень про сутність та природу відчуження в історії європейської філософської думки; акцентується увага на особливостях логіки класиків марксизму стосовно еволюції форм відчуження. Спираючись на вчення про три «світи», яке визначив Г.С. Сковорода, автор більш глибоко представив суттєві моменти, пов'язані з різними концепціями й поняттями відчуження у його сучасних формах: у світі техніки, внутрішньому світі людини та у її відносинах з іншими.

The author examines the issues of development of the visions of essence and nature of alienation in the history of the European philosophical idea; attention is accented on the development of classical Marxist thought in relation to the evolution of alienation's forms. Leaning upon the studies about three «worlds», defined by G.S. Skovoroda, the author presented the main moments, related to different conceptions of alienation in its modern forms: in the world of technique, internal world of a man and in his relationships with other people.

Ключові слова

ВІДЧУЖЕННЯ, ПРИРОДА, СВОБОДА, СВІТ, ЛЮДСЬКА СПІЛЬНОТА, ПРАЦЯ, ПРИВАТНА ВЛАСНІСТЬ, КОМУНІЗМ, ТЕХНІКА, РЕАЛЬНЕ, ВІРТУАЛЬНЕ

Вступление

Ключевые проблемы отчуждения, глобализации, техногенных факторов развития современной цивилизации лежат в плоскости целостного человеческого видения мира. Сложно перечислить даже наиболее авторитетных мыслителей, естествоиспытателей, философов, кто приобщался к этим проблемам хотя бы в связи с творчеством классиков немецкой философии. Трудно назвать какой-нибудь период из писаной истории человечества, когда бы не размышляли о природе и сущности отношений человек-природа, человек-общество. Нынче же в эпоху, когда «иметь» значит больше, чем «быть», человек стал существом весьма абстрактным – он стал среднестатистическим потребителем. Такого рода представления ушли далеко в сторону от столбовой философской традиции, которая соотносила мир в человеке и человека в мире, что было путём, подвигающим к истине. К. Маркс полагал, что каждый способ производства обуславливает процесс жизни вообще, основное производственное отношение, а также, в частности, форму

отчуждения. В работах К.Маркса картина развертывания отчуждения в конкретно-историческом процессе в целом присутствует, но именно «Экономическо-философские рукописи 1844 года» – это фундаментальный философский труд К. Маркса, в котором в общем виде сформулированы основные подходы к теории отчуждения. Здесь он поставил вопросы настолько значимые и актуальные, что для ответа на них потребовалась вся его последующая научная и общественно-политическая жизнь.

Цель статьи: определена необходимостью проанализировать логику становления и развития отчуждения в том виде, как её представлял в своих работах К. Маркс, и показать особенности отчуждения в современном технократическом, информационном обществе.

Обсуждение проблемы

Сквозь призму исследования сущности и природы отчуждения К. Маркс стремился к осмыслению существующей взаимосвязи между частной собственностью, корыстолюбием, отделением друг от друга труда, капитала и земельной собственности, а также взаимосвязь стоимости труда человека и обесцениванием человека и пр. Для К.Маркса оставался однако весьма важный вопрос, на который в 1844 г. он не был готов вполне ответить: «Спрашивается теперь, как дошел **человек до отчуждения своего труда?**» [1, 98]. Однако многое, считал К.Маркс, уже получено нами, «поскольку вопрос о происхождении частной собственности сведен нами к вопросу об отношении отчужденного труда к ходу развития человечества». Начав с анализа понятия отчуждения, К. Маркс хотел понять процесс становления, развития и преодоления отчуждения. Достижение такого понимания предполагало ответ по меньшей мере на три принципиальных вопроса: «Что такое частная собственность?», «Почему частная собственность должна быть уничтожена?», «В чем состоит уничтожение частной собственности?». И вся его последующая научная работа была подчинена этой цели. Прежде чем понять, как может осуществиться процесс упразднения частной собственности, т.е. отчуждения, надо было понять, как происходило становление отчуждения. К. Маркс в рукописях 1844 г. определенно показывает, что для него это несомненно, ибо: «Снятие отчуждения проходит тот же путь, что и само отчуждение» [1, 113]. В конкретно-исторических условиях господствующих капиталистических отношений К.Маркс располагал огромным материалом, иллюстрирующим сущность происходящего развития капитала, а также и теоретическими прозрениями экономистов и философов относительно сущности капитализма. Естественно, что он обратился прежде всего к исследованию высшей ступени развития отчуждения, как оно было воплощено в капиталистических производственных отношениях, хотя история человеческой деятельности предстаёт

перед исследователем в определённых конкретно-исторических формах. Естественно было предположить, что отчуждение – это исторически преходящее явление, что самые первые люди на земле, люди архаического периода, всем своим бытием в изначальном сообществе, были неразрывно связаны и подчинены природе. Впрочем, это давало им безусловное право пользоваться всеми доступными им плодами природы, всем **природном** т.е. постоянным приращением, прибавлением к наличному и обновлением его. У нас обычно понятие «природа» объясняют как что-то относящееся к роду человеческому, находящееся «при роде», что слишком упрощает суть явления. Отметим, что истинная сущность живого – способность к приумножению, прибавлению, т.е. к **природе**, понимаемой как приращение, прирастание. Так вот, мера отчуждения, отдаления, лишение права на природу первых людей практически отсутствовала. Единственное ограничение, которое имело место – это **обычай**, обыкновение не употреблять то или иное растение или плод по причине его особенностей, или исходя из каких-нибудь еще соображений. То есть, ограничение носило скорее естественный характер, и в очень малой мере – социальный. Дальнейшее развитие человеческого общества привело к новым аспектам общения, к **ритуалу**. В сообществе появились люди, которые превосходили других членов сообщества своей волей и интеллектом, а потому занимали в нём ведущую роль. Сюнь-цзы (прибл. 313-238 гг. до н.э.) был далеко не первым из мыслителей древности, кто достаточно определенно представлял себе причины возникновения ритуала: «Совершенно мудрый после глубоких размышлений и раздумий постигает правила человеческих поступков и на основе этого устанавливает правила **ли** и мерила справедливости», – утверждал он [2, 160]. Соблюдение ритуала осуществляется чисто механически под управлением людей, знающих ритуал. В коллективе здесь уже очевидна иерархия отношений. В первобытно-общинном способе производства возникает личная собственность на орудия труда, люди обособлены в некоторых бытовых отношениях. Основное производственное отношение здесь – **личная собственность**, которая выступает как фактор отчуждения. Азиатский способ производства, который К. Маркс рассматривал как важную ступень исторического развития, характеризуется основным производственным отношением – **внеэкономическим принуждением**. Господство одной общины над другой здесь обеспечивается военным путем. Объектом эксплуатации здесь выступает не индивид, а целостная община, независимо от ее величины. Понятно, что степень отчуждения эксплуатируемых членов такой общины достаточно высока.

Рабовладельческий строй – чистое внеэкономическое принуждение заменяется принуждением на основе определенной регламентации, которую можно рассматривать и как правовую норму, предусматривающую за определенные действия и определенные наказания. Таким образом, становится возможным поддерживать контроль над огромными многоплеменными, многоязычными империями, обеспечивается развитие торговли. Феодальный способ производства характеризуется появлением в системе отношений между людьми и социальными группами **права**. В отличие от «закона» в рабовладельческом обществе, здесь право предполагает и обязанности, и индивидуальную свободу, и взаимные обязательства. Основным производственным отношением феодального способа производства выступает **право в форме отношений вассалитета**, т.е. сословной зависимости. Отчуждение становится все более сложным и утонченным, обставленным множеством оговорок-ограничений. Переход от феодализма к капитализму имеет опосредствующее звено – **абсолютизм**. При абсолютизме право занимать ту или иную сословную ступень можно купить. Крестьяне, выкупившие себя у феодалов, становятся свободными ремесленниками, превращаются в купцов, создают мощные гильдии и цехи. Все это торгашеское буйство поощряется монархом, усиливает его финансовые возможности, способствует объединению раздробленных княжеств в абсолютистскую монархию. **Товарно-денежное отношение** определяет сущность абсолютизма. Здесь деньги обмениваются на сословные права, а потомственные дворяне, продавая свои права, опускаются в низшие социальные слои. Происходит процесс взаимопревращения бесправных в имеющих права, и наоборот.

Уже на ступени абсолютистских производственных отношений общество испытывает в своей жизнедеятельности множество ограничений, ибо для присвоения того или иного предмета природы в качестве личной собственности приходится сталкиваться с множеством посредников: обычай, ритуал, личная собственность, право, закон, деньги и кое-что еще, что трудно определимо для жаждущего обретений. Есть право на нечто, но требуют еще и денег. Есть деньги, но собственник вещи не желает её продавать и т.д. и т.п.

Капиталистический способ производства предельно универсален. Основное его производственное отношение – **капитал**. Капитал – самовоспроизводящееся отношение, он способен воспроизводить самое себя. Поэтому капитал есть высшая форма отчуждения. К.Маркс заметил: «Рабочий становится тем более дешевым товаром, чем больше товаров он создает. Рабочий становится тем беднее, чем больше богатства он производит, чем больше растут мощь и размеры его продукции» [1, 87]. Труд рабочего закрепляется в некотором предмете, т.е. происходит опредмечивание труда. Чем больше

предметов производит рабочий, тем меньшим числом он может владеть и тем сильнее он попадает под власть своего продукта, под власть созданного его руками капитала. Происходит отчуждение рабочего от продукта своего труда, ставшего внешним для него предметом. Труд рабочего становится противостоящей ему самостоятельной силой, выступающей против него как сила враждебная и чуждая. Истинный аморализм буржуазного общества, утверждал К.Маркс, заключается в отчуждении труда: «чем больше рабочий производит, тем меньше он может потреблять; чем больше ценностей он создаёт, тем больше сам он обесценивается и лишается достоинства; чем лучше оформлен его продукт, тем больше изуродован рабочий; чем культурнее созданная им вещь, тем больше похож на варвара он сам» [1, 89]. В процессе труда рабочий принадлежит не себе, а другому. К. Маркс заметил, что в условиях отчуждения труда человек вынужден превращать свою жизнедеятельность в средство поддержания своего существования. Изучение особенностей развития капитализма позволило К.Марксу сделать вывод о том, что отчужденный труд есть непосредственная причина частной собственности. Поэтому с падением одной стороны должна пасть и другая. Также отчужденный труд есть причина возникновения и заработной платы. Для понимания Марксового подхода к сущности отчужденного труда надо учитывать одно немаловажное обстоятельство. В «Экономическо-философских рукописях 1844 года» он исследует **реалии капитализма**, поэтому само понятие частная собственность характеризует капиталистическую форму собственности. Если это понятно, тогда понятно, почему К.Маркс уверенно говорит о невозможности изменить что-либо в обществе лишь изменением заработной платы. Отсюда и резкая критика К. Марксом своих оппонентов, которые ратовали, в частности, за равенство заработной платы. Освобождение общества от существующей формы частной собственности, и сопряженного с ним экономического насилия, К.Маркс видит в политической форме эмансипации рабочих, которая необходимо приведет к общечеловеческой эмансипации. Следует проанализировать все этапы развития отчуждения как основные производственные отношения в историческом процессе:

Способ производства	Основное производственное отношение
Архаический	Обычай
Первичноколлективный	Ритуал
Первобытнообщинный	Личная собственность
Азиатский	Насилие (принуждение силой)
Рабовладельческий	Закон (регламентации)
Феодальный	Право, вассалитет
Абсолютистский	Товарно-денежное отношение
Капиталистический	Капитал

В таком виде история становления и развития отчуждения предстает перед нами во всем своем разнообразии и богатстве отношений как **предыстория**. Что будет происходить дальше К. Марксу в принципе было известно. Дальше – коммунизм. Потому что первую и решающую ступень преодоления отчуждения он увидел в борьбе по упразднению буржуазной частной собственности. Эта ступень как раз и является коммунизмом.

Однако, в отличие от других мыслителей, стоящих в сущности на позициях утопических мечтаний, К. Маркс обнаружил, что коммунизмом отнюдь не исчерпывается вся последующая история человеческого общества. Ещё в 1844 году он полагал: «**Коммунизм** есть необходимая форма и энергический принцип ближайшего будущего, но как таковой коммунизм не есть цель человеческого развития, форма человеческого общества» [1, 127]. Годом позже вместе с Ф. Энгельсом они писали уже значительно определеннее: «Коммунизм для нас не **состояние**, которое должно быть установлено, не **идеал**, с которым должна быть сообразована действительность. Мы называем коммунизмом **действительное** движение, которое уничтожает теперешнее состояние. Условия этого движения порождены имеющейся теперь налицо предпосылкой» [3, 37]. Таковую предпосылку они видели в массе рабочей силы, отрезанной от капитала. Таким образом, К. Маркс в мировой истории обнаружил три существенно отличающихся один от другого исторических периода. **Первый период** – это уже упоминавшаяся **предыстория** – длительный период возникновения, становления и развития отчуждения до капиталистического способа производства. В этот период параллельно отчуждению и как его иное происходила эволюция форм частной собственности. **Второй период**, по К. Марксу, – начало подлинной истории, – реинтеграция «или возвращение человека к самому себе, как уничтожение человеческого самоотчуждения». Причем это возвращение человека к самому себе происходит как возвращение к человеку общественному, т.е. человеческому. Это возвращение происходит «сознательным образом и с сохранением всего богатства предшествующего развития» [1, 116]. Вторым периодом и есть становление и бытие собственно коммунизма. **Третий период**, т.е. период следующий за коммунизмом, К. Маркс конкретно определить не мог, поэтому он называл его то «царством свободы», то свободной ассоциацией всесторонне развивающихся индивидов. Впрочем, когда речь идет о марксовом понятии коммунизма, то обращается внимание к произведению К. Маркса и Ф. Энгельса «Манифест Коммунистической партии», написанному в 1848 г. Действительно, «Манифест» – одно из известнейших в мире политико-философских произведений марксизма. В то же время это произведение можно рассматривать как не понятое вполне по сути марксистами-

ортодоксами. Сами авторы его отлично понимали, что в этом произведении есть основные положения, которые остаются в целом совершенно правильными, а есть положения, которые зависели от конкретно-исторических условий в Европе 1848 года: наличие в обращении определенной социалистической и коммунистической литературы, наличие различных оппозиционных партий и т.п. В данном тексте я обращаюсь к тем положениям второй главы «Манифеста», которые «остаются в целом совершенно правильными». Ведь теоретические положения коммунистов К. Маркс и Ф. Энгельс основывали на идеях и принципах, отражавших действительные отношения между классами, в данном случае, между пролетариями и буржуа. Уничтожение одних отношений собственности и замена их другими уже случались в истории, в ходе революционных преобразований общества. «Отличительной чертой коммунизма является не отмена собственности вообще, а отмена буржуазной собственности», – писали классики [4, 21]. Своеобразие буржуазной частной собственности в том, что она держится на эксплуатации одних другими. Сила буржуазии в капитале, в собственности, эксплуатирующей наемный труд. Поэтому «коммунисты могут выразить свою теорию одним положением: уничтожение частной собственности». Здесь при согласовании последних двух цитат надлежит быть очень внимательным, ибо речь идет, конечно же, об уничтожении буржуазной частной собственности. Да, именно об уничтожении именно таковой собственности. Непонимание существа употребленных К. Марксом и Ф. Энгельсом понятий имело и имеет следствием серьезнейшие теоретические и общественно-политические ошибки. Ведь целью Октябрьской революции в России стало как раз уничтожение частной собственности как таковой, к чему ни К.Маркс, ни Ф.Энгельс пролетариев никогда не призывали.

Завоевание пролетариатом политической власти, по их мысли, имеет целью превратить капитал – коллективный продукт – в коллективную, всем членам общества принадлежащую собственность. Собственность останется частной, изменится лишь общественная принадлежность собственности, т.е. она перестанет быть буржуазной, так как «она потеряет свой классовый характер». В этом суть марксистского понимания революционного переворота в сфере частной собственности. Принципиально меняется и содержание труда: «В буржуазном обществе живой труд есть лишь средство увеличивать накопленный труд. В коммунистическом обществе накопленный труд – это лишь средство расширить, обогащать, облегчать жизненный процесс рабочих» [4, 22]. Далее, авторы «Манифеста» со всей определенностью указывали: «Коммунизм ни у кого не отнимает возможности присвоения

общественных продуктов, он отнимает лишь возможность посредством этого присвоения поработать чужой труд» [4, 23].

В «Манифесте» есть положения, которые, если исходить из нашего нынешнего опыта видения исторического процесса, история подвергла сомнению в некотором смысле. Вероятнее всего, что уничтожение буржуазной частной собственности, начавшееся со времени Октябрьской революции 1917 года, началось не в России и не в указанном году, а несколько позже и в самом капиталистическом мире. И уничтожение это пошло как раз таким путём, который и предвидел К.Маркс, хотя революции как насильственного ниспровержения существующего строя там и не было. Но сами обстоятельства, необходимость эволюционных преобразований в интересах возрастающей массы производителей, стимулировали развитие общества. Эрозия буржуазной частной собственности пошла по пути рассредоточения исходно узурпированной собственности-капитала, в руках все большего числа собственников через акции, совместные предприятия, ассоциированный капитал и т.п. Наиболее передовые индустриальные страны мира сегодня, что вовсе нельзя исключить, переживают первый этап становления коммунизма в марксовом понимании его, так как здесь повсюду уже личность человека не отрицается, насильственно от таланта не абстрагируется и к неестественной простоте бедного, грубого человека там не желают возврата. Эти же страны сегодня выступают, **по возможности**, против диктаторских режимов, против опасности мировой войны, за права человека. Таким образом, К. Маркс, рассматривая коммунизм как положительное упразднение **буржуазной** частной собственности вначале, и частной собственности в других формах впоследствии; и оставшихся форм отчуждения в конце, был несомненно прав как ученый и гениальный мыслитель. Ведь по зрелой мысли К.Маркса, человеку надлежит вернуться к самому себе, преодолев все те ступени отчуждения, которые он сам себе создал и о которых речь шла выше. Все дело в том, что К.Маркс видел только первую ступень, ведущую в будущее – коммунизм. Да, он не мог знать частных, но он все же указал нам, что человечество будет подниматься вверх, через последующие посткоммунистические способы производства. А сколько здесь будет ступеней, и каковы они будут по своей сущности – это уже дело научного предвидения будущих мыслителей, которые, конечно же, осознают для себя, что «человечество ставит себе только такие задачи, которые оно может разрешить».

В плане философско-мировоззренческом учение Карла Маркса следует рассматривать как один из подходов к пониманию истории человечества вообще и **общественного прогресса**, в частности. Естественно, это учение не следует ни абсолютизировать, ни умалчивать по идейным соображениям или и по неведению. Сложная

в своей противоречивости современная жизнь затрудняет восприятие мира в рамках привычных образов и стереотипов, порождая при попытках своего теоретического толкования ряд объясняющих концепций. Очевидно, наиболее влиятельной среди распространённых концепций в последние десятилетия выступает постмодернизм, привычные художественные образы которого демонстрируют многообразие форм вживания и выживания, предполагающего преодоление отчуждения в современном обществе. Влиятельным явлением современности выступает и глобализация, вне поля действия которой немислимо как современное социально-экономическое, так и современное философско-мировоззренческое мышление. В этой связи можно сказать, что даже признанным авторитетам жанра антиутопий, но именно это и оказывается неотъемлемыми частностями нашего внешнего существования в мире, разные аспекты проявления которого зафиксированы с приставкой «пост». Современный этап глобализации демонстрирует главное затруднение, испытываемое современным постиндустриальным обществом, которое в основах своей идеологии всё чаще обнаруживает признание отсутствия цели. Именно в таком контексте и Умберто Эко замечает: «современная Америка не понимает ни смысла, ни роли, которую должна играть страна-лидер». Собственно, и раньше внимание на целесообразности общественного развития не заострялось, но общество массового потребления окончательно запуталось в перспективе, занявшись удовлетворением всё возрастающих сиюминутных потребностей. Распространённое желание правительств и народов стран с высокоразвитой индустрией «быть сильными» вовсе не означает, что быть сильным и действовать исторически целенаправленно – это понятия взаимно коррелирующие. В этих условиях более комфортно чувствуют себя жители с традиционными ценностными установками, более приверженные естественной жизни, более глубоко чувствующие свою причастность к природному. Часто такие системы ценностей находят отображение в определённых доктринах, например, в «Зелёной книге» М. Каддафи. Естественно и то, что таковые доктрины неприемлемы в принципе странами с глобализованной постиндустриальной экономикой.

Ныне глобализация преобразует внутренние социально-экономические отношения, разрушает культурные табу, жёстко отсекает всяческий партикуляризм, не упускает возможности наказать неэффективность, пользуется случаем всячески поощрять лидеров эффективности. В то же время глобализация углубляет отчуждение: а) между странами с различными религиозными, этническими и культурными традициями; б) между людьми с различным уровнем

образования и различным мировоззрением; в) между различными поколениями людей, которые по-разному воспринимают динамику коммуникаций и воспитаны в разных системах массовой культуры. Глобализацию нельзя сводить только к рыночным и экономическим параметрам, ибо важнейшими в плане проявления её последствий оказываются культурно-информационные последствия, которые также играют решающую роль в формировании обстоятельств бытия человека. Именно под влиянием пропагандируемых средствами массовой коммуникации стереотипов и ценностей, которые в подавляющем большинстве случаев коммерциализированы, происходит отчуждение человека от окружающего мира, непосредственно находясь в котором он чувствует себя всё более и более неуютно. Современного человека окружает всё более сложная повседневность, ставшего где-то чуть ли уже не самодовлеющим и самостоятельным, мира техники. Причём, окружающий нас мир техники, ввиду его огромности и повсеместности, порождает ещё и иллюзию его простоты, поскольку всё большая масса людей выступают всего лишь потребителями услуг технических устройств, и не особенно задумываются над особенностями процессов, происходящих во внешне вполне привлекательном «чёрном ящике». Сегодня далеко не каждый собственник автомобиля в состоянии обслуживать его, и незначительно число специалистов, способных профессионально разобраться в неполадках персонального компьютера. Можно утверждать, что с возникновением мира техники обнаружилось масштабное воздействие человека на естественную природу. Вследствие этого возникла природа очеловеченная, но ведь возникновение мира техники привело к возникновению и мира информационной техники. Можно даже более категорично утверждать, что всякое техническое устройство – это устройство информационно-техническое! Не вызывает сомнений, что массовое использование технических новшеств привело уже в середине XX века к очевидному огромному техногенному воздействию на окружающую среду индустриальных стран первой волны. Сегодня очевидной реальностью становится виртуальный мир, как мир чуждый здравому смыслу. Первоначально выступая как атрибут теоретического в фундаментальной науке, виртуальное стало сегодня и атрибутом повседневности. Здесь виртуальное – это мир фантастических возможностей, мир удачи, торжества случая, мир возвышения посредственности над окружающими, мир пренебрежения интересами другого. Отсюда и получается, что бытие современного человека – это бытие в пленительной неотвратимости повседневных иллюзий. Одной из беспокоящих, неприятных и необъяснимых феноменов современного глобального общества становится «новый коммунизм», истоки которого я усматриваю в своеобразии современной финансово-кредитной системы: в мировой

экономике возвращаются огромные денежные массы, которые её кредитуют за счёт населения. Тем, кто их накапливает на своих счетах (будучи уверен в их возврате в любой момент), они «сегодня» ещё не нужны. Но эти деньги реально существуют для тех, кто наверху финансовой пирамиды ими пользуется сегодня; эти деньги помогают тем, кто на вершине пирамиды власти определяет с их помощью сегодняшнюю и завтрашнюю политику. Сегодня они могут легко манипулировать ценообразованием, легко выплатить изрядную сумму денег «нужному» человеку. И скорее всего им никогда и не перед кем за это не придётся отвечать. Но чем дальше, тем большее количество потребителей будут пользоваться этими заимствованиями. Многие ведущие социологи и экономисты утверждают, что развитие новых технологий идей в направлении, где главными факторами производства стали способности и знания менеджеров и ответственных работников, оцениваемые как неотчуждаемые свойства человека. А в итоге всё это и способствует усилению отчуждения в обществе.

После вышеприведенного экскурса целесообразно перейти к вопросу о новых формах отчуждения, которые всё больше проявляются в современном обществе. Но сделать это можно уже в связи с учением другого мыслителя Г.С. Сковороды. Я имею в виду его учение о трёх мирах, которое выступает в явной форме, широко цитируемой, и в форме сокровенной, подразумеваемой, которая обнаруживается при более внимательном и систематическом изучении его работ. Следует особо заметить, что в своих работах Г.С. Сковорода различал три значения понятия «мир»: *первое значение*. «**Мыр**» – как определение мира материального, телесного, преходящего. Например, Песнь 28-я из «Сада божественных песен»: «Что пользы человеку, аще приобрящет мыр весь, отщетится же души своей?» или из «Благородного Еродия»: «... возлюбив суету мыра сего паче бысерей...» [5, 111]. *Второе значение*. «**Мир**» – как определение нравственного состояния умиротворённости, мира и покоя в душе человека: «... душевной мир приуготовляется издали, тихо втайне сердца растёт и усиливается...» [5, 470]. *Третье значение*. «**Мир**» – как сообщество людей, как община, как окружающие нас люди. Иисус Христос в беседе с Понтием Пилатом сказал: «Я на то родился и на то пришел в мир, чтобы свидетельствовать об истине; всякий, кто от истины, слушает гласа Моего» [Иоанн. 18, 37]. Или ещё: «Многое и другое сотворилъ Иисусъ; но если бы писать о томъ подробно, то, думаю, и самому миру не вместить бы написанныхъ книгъ» [Иоанн. 21, 25]. (Все цитаты из Библии приведены по: [6]). В том же ключе и эпитафия на могиле самого Григория Саввича: «Мир ловил меня, но не поймал». Я полагаю, что приведенное учение о трёх «мирах» позволяет глубже

понять не только проблему отчуждения, но и проблему свободы, поскольку ограничение свободы – это иноформа отчуждения. Поэтому: 1. Свобода в мире материальном, природном могла бы быть достижимой в ходе научно-технического прогресса. Технические новшества способствуют облегчению жизни человека, но они и поработают слабого человека, поскольку ведут к «привыканию» к технике и к негативному воздействию промышленного производства на окружающую среду (вредные и токсичные вещества, твёрдые и жидкие отходы, электромагнитные и звуковые волны и пр.). Тем самым, через посредство техники, человек всё больше отчуждается от других людей. Полностью технизированный мир не страшен. Страшно то, что человек не подготовлен к этому, что он не способен осмысленно встретить изменения. Силы техники неизмеримо превосходят силы человека и от него зависит, будет он перед ними растерянным или в нём пробудится осмысляющее мышление. Для Хайдеггера мир техники объективен и противостоит человеку как мощная сила. Человек может с ним совладать, если он обретет новую почву для укоренения, если у него будет **родина**. Родина делает человека свободным и независимым. Нельзя попасть в рабство к технике, к окружающим нас приспособлениям и машинам. Мы можем использовать эти приспособления так как нужно, но не привязываться к ним, оставить их в покое, как то, что не имеет отношения к нашей сущности. Говоря «да» технике, мы вместе с тем должны сказать ей «нет», т.е. мы впустим технические приспособления в нашу жизнь, но оставим их снаружи как вещи, которые не абсолютны, но зависят от чего-то высшего. Это отношение к технике Хайдеггер предлагает называть старым словом – **«отрешенность от вещей»** [7, 110]. Тем самым он как бы возвращает нас к известному положению Будды о непривязанности к вещам, которое в учении Иисуса Христа выступает как блаженство первое: «Блаженны нищие духом, ибо их есть царство небесное» [Матф. 5, 3].

2. В мире социальном, в непосредственном «живом» общении с другими людьми, в постиндустриальном обществе человек втягивается в огромное количество зависимостей, поскольку социум последовательно эксплуатирует то ли тело, то ли физическую силу, то ли интеллект человека. Только так можно заработать, приумножить капитал. Но и здесь отчуждение усугубляется **квазиживым** общением с другим: мобильный телефон, телевизор, автомашина, групповые отношения, вызванные усиливающейся дифференциацией доходов или интеллектуальных способностей, различный уровень образования и пр.

3. В мире душевном отчуждение определяется разрывом между декларируемым обществом спектром возможностей и реальными возможностями, которые зависят от волевых и интеллектуальных

качеств индивида. Мир душевный здесь достигается гармонией, которая зависит от того, как человек адаптировался к миру техники и к миру людей, к своему ближайшему окружению.

Выводы

Таким образом, очевидно, что преодоления отчуждения как такового, не произошло. Отчуждение приобретает новые формы и разворачивается на новом основании. И решающую роль в этом процессе играет полицентричность технотворчества, усиливаемая концентрацией знания, эрудиции и воли активно целеустремлённых инженеров и менеджеров. Достаточно представить, что в эту минуту в сотнях маленьких и крупных академических лабораторий бьётся творческая мысль, возникают самые невероятные идеи. И результаты материализации ряда идей сегодня трудно предвидеть как нельзя было предположить к каким изменениям приведёт создание электрической лампочки Эдисоном, его фонографов, радио Попова, автомобильной мастерской Форда, транзистора, телевидения, персонального компьютера, мобильного телефона и пр.

Перспективы дальнейших исследований: определяются анализом имеющейся научной литературы по проблемам развития информационно-технократического общества; связаны с соотношением философских, социально-экономических и литературно-художественных представлений о смысле и перспективах развития человеческой индивидуальности; определяются философско-лингвистическим анализом понятий «мир», «свобода», «техника».

Источники

1. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года. // Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Издание второе. – Т.42. – М.: Политиздат, 1974. – С. 41-174.

2. История китайской философии. – М.: Прогресс, 1989. – 552 с.

3. Маркс К. и Энгельс Ф. Немецкая идеология. – М.: Политиздат, 1956. – 615 с.

4. Маркс К. и Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии. // Маркс К. и Энгельс Ф. Избранные произведения в 2-х т. – Т.1. – М.: Политиздат, 1948. – С. 1-39.

5. Сковорода Г.С. Полное собрание сочинений: В 2-х т. Т.2. – К.: Наукова думка, 1973. – 575 с.

6. Библия или Книги Священного Писания Ветхаго и Новаго Завета. В русском переводе с параллельными местами. Издание второе, вновь просмотренное. – Спб.: Синодальная типография, 1892. – 1548 с.

7. Хайдеггер М. Разговор на просёлочной дороге: Сборник: Пер. с нем./ Под ред. А.Л. Доброхотова. – М.: Высш. шк., 1991. – 192 с.

Статья надійшла 16.12.2006 р.